

Михаил Полищук

Поцелованные Одессой

Михаил Л. Полищук

Поцелованные Одессой

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48449203

Поцелованные Одессой. Эссе: Прогресс-Традиция; М.; 2019

ISBN 978-5-89826-568-7

Аннотация

Одесса – удивительный, неповторимый город. Ему принадлежит небывалое место в российской культуре. Город причудливого космополитизма, симфонии наречий, калейдоскоп необычайных человеческих судеб и талантов – обо всем этом, ушедшем, но памятном, и все еще живущем, манящем, рассказывает уроженец Одессы и носитель ее «малоарнаутской наследственности» – специфической субкультуры города. Читатель найдет здесь зарисовки и размышления многих мастеров пера, заболевших на всю оставшуюся жизнь воображением, творческим вдохновением города, где им удалось прикоснуться к таинственной гармонии, зависшей на какое-то время над Одессой. Автор подробно описывает те особенности формирования облика Одессы, которые за очень короткое время превратили ее в процветающий экономический и культурный центр; это отцы-основатели, магия избранного места, дух предпринимательства, отсутствие господства титульной нации в городе и театр. Не забыта в книге и такая

составляющая романтики города, как уголовный мир, символом которого стала одесская тюрьма – Кичман. Пафосно написаны страницы книги, посвященные еврейскому погрому 1905 г. и последующей судьбе одесских евреев. Коренной одессит, человек, воистину «поцелованный» этим уникальным уголком Черноморья, приглашает в него и читателя, приглашает по-одесски весело и с чуть осязаемой грустью.

Содержание

«А знаете ли вы, что такое Одесса?»	7
«Вымышленный Зурбаган...»	8
«Не просто город...»	9
«...Наименее известный из наиболее величественных европейских городов...»	10
«Грандиозный и многообещающий проект...»	11
Вольная гавань...	12
Дитя «фронтира»	13
«Там всё Европой дышит, веет...»	15
«В России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище!..»	25
«Одесса чудесный город...»	27
И не только Европа...	29
Плавильный котёл	31
Одесситы, чьи сердца бьются в унисон с сердцами Франции и Германии...	32
«Одесса – это Я!..»	35
Толерантность	37
Легкость бытия	40
Рождение легенды	42
Рескрипт	44
«Южная Пальмира» версус «Северной»	48
«Отсель грозить мы будем шведу...»	50

Михаил Полищук

Поцелованные Одессой. Эссе

** Эссе (фр. essai – попытка, проба, очерк) – литературный жанр, прозаическое сочинение различного объёма и свободной композиции.*

Эссе выражает индивидуальные впечатления и соображения автора по конкретному поводу или предмету, не претендуя на исчерпывающую или определяющую трактовку темы.

«Существует рассеянное по всему миру сообщество объединенных восхищением городом, который носит имя Одесса. Реальный ли это город или только миф, питающий воображение?..» – таким вопросом задается Сандрина Треине, составитель сборника «Запах Одессы».

© М.Л. Полищук, автор, 2019

© Горшков А.Л., оформление, 2019

© Прогресс-Традиция, 2019

«А знаете ли вы, что такое Одесса?»»

«А знаете ли вы, что такое Одесса? Нет, вы не знаете, что такое Одесса! Много есть на свете городов, но такого прекрасного нет. Посмотрите на Одессу с моря. Рай! Посмотрите с берега! То же самое. Да что говорить! Когда одесситы хотят сказать, что кому-то хорошо живется, они говорят: “Он живет, как бог, в Одессе”. А попробуйте сказать в Одессе: “Он живет, как бог, допустим, в Нью-Йорке”. Вас поднимут на смех или отправят в сумасшедший дом.

Вот что такое Одесса!» (Леонид Утёмов. Спасибо, сердце!..)

«Вымышленный Зурбаган...»

«Одесса представляется мне чем-то вроде вымышленного Зурбагана, честь открытия которого принадлежит писателю Александру Грину». (Юрий Олеши)

«Не просто город...»

Одесса – «...не просто город, это ещё мифологический образ. С ним связаны представления и ассоциации, почерпнутые из литературы, кино, оперетты и бесчисленных полублатных песен. Существует, кроме того, распространенное общественное мнение о своеобразном характере Одессы и её особом месте среди других городов, как России, так и Советского Союза» (Из книги голландского автора Яна Паула Хинрика «Миф Одессы»),

«...Наименее известный из наиболее величественных европейских городов...»

Анонсируя книгу об Одессе, написанную профессором Джорджтаунского университета (США) Чарльзом Кингом «Одесса: гений и смерть в городе мечты» (*Charles King. Odessa: Genius and Death in City of Dreams*), британский журнал «Economist» называет её «*достойным вкладом в историю одного из наименее известных из наиболее величественных европейских городов*».

«Грандиозный и многообещающий проект...»

«Одесса была... проектом столь же грандиозным и многообещающим, сколь и необычным для своего времени. Можно без преувеличения говорить о том, что за последние столетия на карте Европы не появилось ничего подобного. Фундаторы города и порта отлично видели открывающиеся возможности, почти невероятные перспективы. Подобно покорителям Сибири, преобразователям Дикого Запада или ещё каким-нибудь крестоносцам, они получили широкий простор для маневра и колоссального по масштабам эксперимента. Реализация подобного эксперимента в “казарменной России” была вдвойне, втройне эффективной и создала для её участников иллюзию невероятной свободы» (Евгений Голубовский, Олег Губарь. Из рецензии на книгу Иосифа Де-Рибаса «Старая Одесса. Забытые страницы»).

Вольная гавань...

«История Одессы больше похожа на историю отдельного государства, чем на историю города. Будучи городом Российской империи – феодального государства, Одесса никогда не знала феодального уклада экономики. Таких экономических свобод, как в Одессе, не знал ни один российский город. Даже когда Одесса перестала быть вольной гаванью – она оставалась вольным городом» (Из истории Одессы).

Дитя «фронтира»

«Понять феномен Одессы потому и сложно, что он сформировался в результате пространственно-временного сочетания природных, геополитических, социокультурных и других рубежей многомерного коммуникационного пространства. Созидательная энергия была обусловлена притяжением пассионариев, “европейским либерализмом”, полиэтничностью, традициями экономической свободы и самоуправления, транзитной торговлей» (Вл. Дергачёв. Феномен Одессы).

Специфическое сочетание «природных, геополитических, социокультурных» условий, определивших своеобразие возводимого на берегах Понта Эвксинского города (*др.-греч.* – Чёрное море), позволяют Одессу отнести к феномену «культуры фронтира», трактовку которого американский историк Фредерик Тёрнер предлагает в сборнике статей «Фронтир в американской истории».

В частности, он демонстрирует этот феномен на примере пограничных культурных анклавов Америки, где под влиянием непосредственных контактов с местными аборигенами (американскими индейцами) *«европейский колонист превращается в “янки” – американца».*

Концепция фронтира, пограничности (*англ.* frontier – граница), сегодня играет заметную роль в смысловом контексте

европейской культуры – особенно в рамках наблюдаемой в последнее время возрастающей волны «великого переселения народов».

Граница, которая изначально мыслилась как некая разделительная полоса между цивилизацией и «варварским миром» (Ф. Тёрнер), и, в частности, для Камю служила всего лишь «грубым миражом истории», сегодня рушится под напором процессов, порождённых глобализацией.

«По сути “фронтир” – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик в таких формах, как конфликт, симбиоз и предсинтез. Фронтир изначально был наделён огромным ценностно-символическим смыслом Рубикона, который необходимо пройти, или пропасти, в которую можно обрушиться» (И.Я. Левяш. Фронтиры христианской Европы...).

Черты «фронтира» («пограничности»), формирующийся культурный анклав Одесса обретает в условиях тесного взаимодействия различных отличающихся своим укладом и практикой повседневной жизни «инородных» для России этнических и религиозных групп. В результате такого взаимодействия возникает специфическая идентичность её обитателей, чьи ценностные установки не укладываются в господствующие стандарты патриархально-имперского уклада России.

«Там всё Европой дышит, веет...»

*Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъямлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живою.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжельый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.*

(А. Пушкин. Евгений Онегин)

«Там всё Европой дышит, веет...» – вот первый набросок образа Одессы, оказавшийся, по уверению пушкинистов, «патентом» на бессмертие города.

Пушкин открывает для себя Одессу в 1823–1824 годах, когда город отмечает всего лишь тридцатилетие своего существования.

Восторг Пушкина «европейскостью» Одессы поражает

своим контрастом недавнему прозвучавшему из его уст нелицеприятному восклицанию в адрес отечества:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть...

(А. Пушкин. Ода «Вольность», 1817)

Свой переезд в Одессу из Кишинёва, где ссыльный поэт находился под опекой наместника Бессарабии Инзова, он воспринимает как знаковое событие жизни, о котором он не без воодушевления делится с братом Львом:

«Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман – три последние месяца моей жизни. Вот в чём дело: здоровье моё давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отправил меня в Одессу – я оставил Молдавию и явился в Европу – ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе»¹.

¹ Пушкин А.С. Собр. соч. Т. XIII. С. 66–67.

К моменту прибытия поэта в Одессу город из недавнего захудалого турецкого поселения Хаджибей превратился в процветающую торговую гавань, чему в немалой степени способствовал дарованный ему режим порто-франко.

«В силу портофранко², привозимые в Одессу из-за границы товары и продукты могли свободно продаваться в ней... без предварительной оплаты их пошлиной. Иностранные коммерческие корабли стали стекаться в Одесский порт со всех концов света, и пассажиры их и матросы создавали на улицах и в кофейнях пёстрое разноплемённое и разноязычное оживление. Рабочие и портовые грузчики стали зарабатывать большие деньги. Иностранные золотые монеты звенели на всех меняльных столиках. Дамы одевались по последней заграничной моде. Дома украшались европейскими и восточными новинками. [Горожане] интересовались политикой – узнавали важнейшие новости от постоянно сменяющихся групп приезжих моряков» (Александр Дерибас).

Царящая вокруг атмосфера, питающая европейский образ жизни обитателей Одессы, на какой-то момент ошеломляет поэта.

В письме, адресованном брату от 25 августа 1823 года, он сообщает: *«Я вновь в Одессе, но всё ещё не могу приспособо-*

² Порто-франко (*итал.* porto franco – свободный порт) – порт (или его определённая часть, порто-франковская зона), пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства. Часто создаётся при сооружении нового порта с целью привлечения грузов и увеличения товарооборота.

биться к европейскому образу жизни».

Вскоре опера, рестораны, море, окружающий европейский образ жизни, ласковый прием Воронцова сделали своё благое дело, и Пушкин спешит уведомить брата, что все это, «ей-богу, обновило мне душу».

«Обновив душу», Пушкин справляется с трудностями адаптации к новому месту и не без удовольствия погружается в водоворот упоительного времяпрепровождения:

*Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.*

Отправляясь «к морю», поэт направлялся к популярному месту в Одессе – к «Пунте» (*итал.* Punta), к конечной точке на Платоновском молу, где находилась кофейня, содержащаяся греком Костаки. Отсюда открывался великолепный вид на рейд и на весь Хаджибеевский залив. Помимо деловых встреч и бесед о торговых делах и заключения сделок посетители кофейни играют в домино, шахматы, в шумный триктрак. При этом многие раскуривают кальян или, в длинных чубуках, стамбульский табак и пьют ароматный турецкий кофе, который, по-видимому, приходится по вкусу и нашему поэту:

...За трубкой раскаленной,

*Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.*

Подзаправившись кофейком, поближе к ланчу (полдню), Пушкин меняет дислокацию – отправляется в Casino.

*Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.*

Расположенное в усадьбе Ивана Рено, французского консула в Одессе, Casino, со временем переименованное в «Redoute on salle de danse», превращается в увеселительный комплекс, где местная аристократия проводила свой досуг за бильярдным столом либо увлекалась чтением в специально отведённой комнате.

Здесь же устраиваются танцы и музыкальные концерты. Особой популярностью у публики пользуются проводимые собрания – «Cover sazione». на которых «на итальянском и французском языках гости соперничали друг с другом в остроумии и остроумии, придумывая шарады, писали экс-промты и пр.» (Александр Дерибас).

В разгар театральных сезонов в Casino собирается публи-

ка для обсуждения просмотренных спектаклей. Возникающие споры между любителями искусства зачастую перерастают в серьёзные словесные баталии.

Casino – это также место, где встречаются (тусуются) представители разных сословий – от титулованных особ из аристократических кругов до торговцев, клерков различного калибра, иностранных моряков и сомнительных персонажей неопределённых занятий.

В атмосфере общего оживления и непрерывающегося галдежа собравшиеся непринуждённо общались, *«пили кофе, ели шербеты и лимоны, не употребляя спиртных напитков...»* (там же).

Заметим, никакого сухого закона в городе не существовало – просто *«сила темперамента и страстность натуры завсегда тае в казино были таковы, что они не нуждались в особых возбудителях»*. При этом *«беседы и споры о политике принимали иногда горячий оборот, что приводило к бурным столкновениям»* (там же).

У каждого свои заботы. Одни из завсегда тае Casino заключают сделки, не покидая столиков заведения, другие устремляются куда-то по своим служебным и рабочим местам, а кто-то – просто продолжает предаваться упоительному чревоугодию:

*...Мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,*

*Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.
Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.*

Неприятное ощущение от невидимо возрастающего «грозного счёта» растворяется в сумерках наступающего вечера:

*Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей;
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.*

«...Пушкин был захвачен удовольствиями жизни в большом городе с ресторанами, театром, итальянской оперой, блестящим и разнообразным обществом... Светскими знакомствами и театром Одесса напоминала Петербург... а морем, французской и итальянской речью на улицах, бесценным пропуском французских газет и беспопытным при-

возом вин – Европу...» (Ю.М. Лотман. Александр Сергеевич Пушкин).

Ощущение Европы в Одессе, разумеется, возникает не только от посещения значных мест, от прогулок по её улицам с их необычно звучащими для слуха русского названиями, запечатлёнными на русском и итальянском языках, от этнического разнообразия населения, но и от царящей вокруг атмосферы, проникнутой отзвуками вольности и жизнерадостности.

«Дух вольнолюбия был присущ тогда Одессе. Татарский Хаджибей освободился от ига туретчины. Первые украинцы были беженцами из Запорожской сечи, из тех, которые, объявив, что не хотят идти “ни под бабу (Екатерина), ни под басурмана”, скрывались в окрестностях Хаджибея, не принадлежа ни к какому государству. В первые мещане записывались, скрыв своё происхождение, беглые от своих помещиков крестьяне. Пришли раскольники, не желавшие подчиняться православной церкви. Потом приглашены были семейства из вольнолюбивых греков, которые, в надежде на своё освобождение от турок, оказывали всяческую военную помощь русским. Да и все переселявшиеся в Одессу колонисты из Бессарабии, а потом из Германии, Швейцарии, Франции были из тех, которые по разным экономическим и политическим причинам чувствовали себя угнетёнными на своей первоначальной родине и искали своего освобождения в новозарождающемся крае» (А. Дерibas).

Поцелованный духом Одессы поэт растает с ней под всплеск охвативших его свободолюбивых эмоций:

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...*

P.S. Восхищение Пушкина европейскостью Одессы, южными воротами Империи, в значительной мере объясняется тем, что *«сам он есть первый европеец из русских, отдалённое детище начатых Петром I преобразований, которые повернули Россию на европейский путь развития»* (Д.П. Урсу Одесса в европейском научном и культурном пространстве XIX и XX веков).

В своей лекции, прочитанной в публичном собрании Императорского Новороссийского университета (Одесса) по случаю пятидесятилетия со дня смерти поэта профессор А.И. Кирпичников, в частности, подчеркивает:

«Пушкин – европейский поэт не только потому, что воспитал свой высокий талант на европейской поэзии, и, оставаясь поэтом национальным по преимуществу, в совершенстве усвоил её идеи и формы, не только потому, что он шёл в хвосте, а потому, что шествовал в передовом полку европейской мысли и прогресса...»

И именно *«Пушкин, – продолжает он, – первый дал нам право смело смотреть в глаза Европы, полагаясь не только на*

силу штыков наших».

Европейскость Одессы, явившая себя прежде всего в её космополитической открытости миру, совпала в унисон с умонастроением поэта – с его состоянием, которое характерно для незаурядного творца и мыслителя, прозревающего высоты общечеловеческих начал универсума, где нет ни эллина, ни иудея, где Гомер – нечто большее, чем просто феномен эллинизма, где Шекспир больше не укладывается в прокрустово ложе английскости, Гёте выходит за границы немецкости, Пушкин преступает порог русскости, Бродский перестаёт быть русским советским поэтом, где «посвящённые» постигают нечто непреходящее, выражаемое на разных языках.

«Европейскость» Пушкина – прежде всего свидетельство постижения им ассоциируемой с Европой высшей ценности гуманизма – ценности свободолюбия, восславляя которую в свой «жестокий век», полагал поэт, он надолго останется «любезным» в памяти своего народа.

«В России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище!..»

Необычность от встречи с Одессой на российских просторах испытывает не только любимец муз, владеющий даром романтического восприятия действительности и магией слова, но и, возможно, лишённый поэтического воображения гардемарин Николай Чижов, посетивший город во времена пребывания в нём Пушкина:

«В России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище!..»

Необычность от встречи с новым городом, расцветшим на месте Хаджибея, испытывает не только любимец муз, владеющий даром высокой магии слова, но и морской офицер Николай Чижов, вступивший на его берег во время плавания по маршруту Николаев-Очаков-Одесса:

«...Мы входим в сад, и волшебное зрелище поражает наши взоры; воображаешь, что все народы собрались здесь наслаждаться прохладною вечернею и ароматическим запахом цветов. Рослый Турок с фарфоровым кувшином шербета предлагает вам вкусный напиток азийский, между тем как миловидная итальянка, сидящая под густою тению вяза, перенесенного с берегов Волги, подает вам мороженое в граненом стакане: множество разносчиков разных стран,

в различных одеждах толпятся по дорожкам, и на разных языках предлагают вам свежие плоды.

Толпы гуляющих беспрестанно встречаются с вами. Единоземец великого Вашингтона идет подле брадатых жителей Каира и Александретты, древний потомок Норманнов с утесистых скал Норвегии, роскошный Испанец с берегов Гвадалквивира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собрались, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной. Сядем на этой дерновой скамейке. Народ волнуется перед нами, как море. Какая живость! Какое разнообразие! Можно сказать, в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище!..» («Сын отечества», 1823 год)

«Одесса чудесный город...»

«Иностранность» нарождающейся черноморской жемчужины, отличность её от других городов и весей Российской империи не только не настораживает, но скорее вызывает восхищение у многих несомненных патриотов отечества.

«Отвечаю на письмо ваше, любезная и почтенная тётюшка, из Одессы, где я очутился после утомительной дороги: дожди её совершенно разорили от Москвы до самого Кременчуга. Здесь же встретила нас жара и прелестная погода... От дороги я устал и всё ещё слаб. Здесь нашёл я графа Сен-При и живу в гостеприимном его доме. Он ко мне ласков по старому и всё делает, чтобы развеселить меня: возит по городу, в итальянский театр, который мне очень нравится, к иностранцам, за город на дачи. Одесса чудесный город, составленный из всех наций в мире, и наводнён итальянцами. Итальянцы пилят камни и мостят улицы: так их много!» (Из письма поэта К.Н. Батюшкова Е. Муравьёвой 12 июля 1818 года. Одесса. За пять лет до посещения города Пушкиным).

С затаённой грустью вспоминает об Одессе Николай Васильевич Гоголь, посетивший город в 1850 году:

«Временами солнце глянет так радостно, так по-южному! Так вдруг и напомнимся кусочек Ниццы!» (Гоголь. Из письма матери).

Своим европейским обличем Одесса впечатляет не только приезжающих россиян, но и тех, кто знаком с Европой не понаслышке:

«Европа ещё раз предстала перед нашими глазами, – воскликает французский визитёр, посетивший город в 1838 году, – после первого же взгляда, брошенного на Одессу, с борта судна, пришедшего из Константинополя. – И продолжает: – Внешний вид прямых ровных линий улиц, широкие фасады домов и спокойные тона строений пробуждали много дорогих воспоминаний... Именно европейский город... полный изобилия, движенья и веселья» (Н. Nottaire de Hell. Travels in Steppes of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus... – London, 1847).

P.S. На формирование европейского аромата Одессы, несомненно, повлияло то, что изначально большинство её граждан были выходцами из Греции, Италии, Германии, Франции и даже из Швеции и Дании.

«В первые десятилетия становления города иностранцы составляли преобладающую часть его населения – в 1819 году лишь примерно каждый четвёртый из одесситов был русским либо украинцем...» (Стивен Ципперштейн. Евреи Одессы. История и культура).

И не только Европа...

Особенность Одессы, на фоне культурно-исторических реалий России, – не только в её европейской ауре, под обаянием которой оказываются её гости. Какие-то черты Одессы позволяют жителю США Сэмюэлю Ленгхорну Клеменсу (позже прославившемуся как писатель Марк Твен), обнаружить в ней удивительное сходство с обликом и духом городов Америки.

По прибытии на родину, после посещения Одессы в 1867 году в качестве журналиста газет «Альта Калифорния» и «Нью-Йорк трибюн», он публикует книгу путевых заметок «Простак за границей», где, в частности, делится следующими впечатлениями от встречи с городом:

«По виду Одесса точь-в-точь американский город: красивые широкие улицы, да к тому же прямые; невысокие дома (в два-три этажа) – просторные, опрятные, без всяких причудливых украшений; вдоль тротуаров наша белая акация; деловая суета на улицах и в лавках; торопливые пешеходы; дома и все вокруг новенькое с иголки, что так привычно нашему глазу... Так что мы едва не пролили благодарную слезу, едва удержались от крепкого словца, как то освящено добрым американским обычаем. Куда ни погляди, вправо, влево, – везде перед нами Америка!»

О схожести исторического облика Одессы XIX века с

городами Америки рассуждает профессор Стэнфордского университета (США) Стивен Ципперштейн в своей книге «Евреи Одессы. История культуры 1794–1881 гг.», опубликованной в 1985 году:

«Если Вильна похожа на Минск, Могилёв на Витебск, а Екатеринослав напоминал Елизаветград, то Одесса сохранила свой неповторимый облик и колорит. Если уж приводить здесь какие-либо аналогии, то Одесса, скорее всего, была чем-то схожа с американскими портовыми городами, но только с теми из них, что расположились на границе, как, например, Чикаго или Сан-Франциско, где сочетание духа предпринимательства, вольности и целеустремлённости создали мир, свободный от самодовлеющего прошлого».

Плавильный котёл

Неповторимый колорит Одессы, отличавший её от городов и традиционных весей России, не только и не столько во внешнем облике, впечатлявшем её посетителей, сколько во чём-то более глубинном, существенном – в том, что она являлась «плавильным котлом» (melting pot), в котором многочисленные этнические группы населения «переплавлялись» в специфическую общность, идентифицирующую себя с «гением места» (Genius loci), запечатлённом в слове «одессит».

Рождённый в Одессе грек, болгарин, еврей, русский, украинец, итальянец, француз и т. д. мог произнести с таким же чувством достоинства: «Я *одессит!*». как рождённый в Америке немец, англичанин, итальянец, ирландец и т. п. с гордостью произносит «Я *американец!*»...

Одесситы, чьи сердца бьются в унисон с сердцами Франции и Германии...

В этот день или, возможно, вечер, в зале пивной Гамбринуса, удостоившегося со временем чести быть запечатлённым в романтической повести Куприна, всё те же заведомые – *«немцы, мастеровые, моряки, портовые рабочие. Из “интеллигенции” два-три пьяненьких журналиста, артисты, не получившие жалованья, и суфлёры, потерявшие голос»* (А. Дерибас). На сей раз шуму и громких разговоров было гораздо больше. Играли в домино и шашки. Вместо денег играют на «самолюбие». Но самолюбие заделалось сильно, и горе было победителю. Пахло пивом и табаком... Неожиданно по залу проносится взбудоражившая присутствовавших весть – Франция объявила войну Германии.

Хозяин заведения немец Николаи приказывает по этому поводу прикатить свежий бочонок пива – и сам разливает его по кружкам и разносит его посетителям без всякой оплаты. Находящиеся в зале немцы вскакивают и дружно хором запевают «Die Wacht am Rhein».

Среди публики затесался француз-сапожник Сирьяк, предпочитавший пить вино в погребе Коре, а пиво – имен-

но у Николаи. По убеждению – он истый якобинец, который ненавидит Наполеона III, не стыдясь его ругать как в присутствии французов, так и немцев. Но услышав, как после пропетого гимна Германии немцы провозглашают тост во здравие кайзера «Noch» Вильгельму, он тут же почувствовал себя французом и в патриотическом угаре возглашает «Vive Г Empireur!»

«И французы, и немцы, живя в Одессе далеко от своей родины и потеряв с ней всякую деловую связь, сохранили в себе беззаветную любовь к ней. И в пивной Николаи, и в павильоне Годфруа бились их сердца и волновались их груди в унисон с грудью и сердцем Франции и Германии» (Александр Дерибас. Старая Одесса...).

Удивительная вещь – в плавильном котле Одессы, превращаясь в одессита, ты не теряешь лояльности к своей исторической родине, к культуре своих предков:

- грек продолжает чувствовать себя греком, активно интересуясь жизнью на исторической родине, принимая активное участие в греческой «Филики этерия» – (греч. Φιλική Εταιρεία) – тайном «Обществе друзей» Греции;

- болгарин остаётся болгаринoм, разделяя чувства патриотизма к своей исторической родине с проживавшим в Одессе Христо Ботевым, болгарским национальным героем, революционером, поэтом и публицистом;

- поляк продолжает испытывать национальную гордость, встречая на улицах города находящегося здесь в ссылке сво-

его земляка – поэта Адама Мицкевича.

Заметим – и это никого не смущало. Никому не приходило в голову ставить под сомнение их лояльность и патриотизм, который они испытывали к своей малой родине под названием Одесса.

Патриотизм этот, случалось, приходилось доказывать кулаками и не только:

«Однажды в казино встретились два итальянских матроса – один проживавший постоянно в Одессе, другой – только что прибывший из Италии. Одессит стал восхвалять “своё море”, назвав его прекрасным (Bello). На что приезжий итальянец позволил себе шутку – “Оно чёрное” (Nero)» (А. Дерibas).

Завязавшаяся перепалка закончилась тем, что оба итальянца в патриотическом раже, вынув ножи, вступили в драку и искровавили один другого.

«Одесса – это Я!..»

Принадлежность к нарождающемуся «племени одесситов» предполагает наличие определённых качеств, приобретаемых ими *«от самой Одессы, которая в исключительно благоприятных условиях, как царица Чёрного моря, открывает у себя широко гостеприимный доступ людям всех стран, всех национальностей и всех родов деятельности – торговой и духовной – и, сближая этих разных людей между собою, обвивает их воздухом общечеловечности»* (Александр Дерибас. Старая Одесса. Первое издание – 1913 год).

В культурном «геноме» одессита нет места имперской заносчивости обывателя, коренящейся зачастую в отсутствии у него чувства самодостаточности, которое он стремится компенсировать ощущением причастности к чему-то его превосходящему и олицетворяющему незримую мощь – к безликой массе, принадлежности к которой наполняет смыслом и гордостью его существование.

Для одессита скорее характерно ощущение самодостаточности – важная черта человека-гражданина, которая позволяет ему объявлять *«с апломбом Людовика XIV: Одесса – это я!»* (А. Дерибас. Там же).

Это ренессансное по своей природе чувство индивидуальности и сопутствующий ему пафос гражданственности, характерные для атмосферы молодого го рода, ограждают

Одессу от общего диагноза, который ставит стране Лермонтов, отправляясь в кавказскую ссылку: «...*Страна рабов, страна господ*» – страна, где основной тонус задают «*мундиры голубые и ты, им преданный народ...*» (Михаил Лермонтов).

К слову, диагноз этот поставлен поэтом крепостнической России в сороковые годы XIX столетия (в 1841 г.) – в момент, когда Одесса переживает поразительный по тем временам культурный и экономический взлёт.

Толерантность

Чувству гражданственности, характерному для генома обитателя города, сопутствует развитое чувство толерантности, когда «другой» – это вовсе не чужак, неведомо откуда явившийся пришелец, не твой конкурент либо соперник, не тот, кто несёт угрозу твоему существованию и благополучию, но, скорее, твой вероятный сосед, с которым по жизни придётся многое делить.

«Между всеми народами, населявшими [на ранних этапах] Одессу царила такая искренняя веротерпимость и такое человеческое понимание друг друга, что все чувствовали себя в новом городе, как у себя дома» (А. Дерibas).

Симптоматично – в одесском жаргоне нет специфических обидных словечек, преисполненных презрения, злобы и неприязни в адрес другого – «чужака», нет ничего похожего на «жид», «басурман», «хохол», «москаль», «чурка», «черножопый», «узкоглазый» и прочих уничижительных кликух, характеризующих нетерпимость к инаковости, атмосферу ксенофобии, царящую в обществе, – нет этих многочисленных маркёров культивируемой враждебности к другому, свидетельствующих, что в «Королевстве Датском» что-то неблагополучно...

Герои одесского фольклора – это прежде всего одесситы, чьи религиозные, этнические и прочие замешанные на крови

и расовых предрассудках различия для их характеристики представляются чем-то вторичным.

Вряд ли для любого вменяемого читателя, тем более для одессита, важна этническая принадлежность либо религиозные предпочтения Бени Крика, он же «Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер», и ему подобных литературных героев, прообразами которых служили реальные одесситы, прочно вписавшиеся в городской фольклор и далеко шагнувшие за пределы породившего их города.

Строящаяся Одесса раскрывает свои объятия каждому энтузиасту, желающему пополнить ряды её народонаселения и найти своё место под сводами её светящегося голубизной большую часть года неба. Город принимает любого претендента независимо от его социального положения, религиозных, национальных и культурных различий – даже тех, чья личная история (профайл) не вызывает особого энтузиазма.

Будущим членам братства одесситов город говорит: *«Вот вам земля, вот вам камень, стройтесь и живите»* (А. Дерибас. Старая Одесса).

При этом *«у них не было паспортов, но никто не спрашивал паспортов. Создатели Одессы были рады всем, и даже преступникам – лишь бы то были человеками и оставались здесь навсегда»* (там же).

В отличие от многих своих городов-собратьев, возводимых руками рабов либо насильственно согнанных крепостных, – Одесса возводилась «вольными каменщиками», сре-

ди которых, полагаем, было немало романтиков и благородных авантюристов.

Администрация Одессы заботилась о предоставлении ее жителям всяческих льгот, прилагая особые усилия для освобождения их от налогов.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что беглый крестьянин, какое-то время проживший в городе, в соответствии с духом средневековой европейской традиции, нашедшей выражение в пословице «*Городской воздух делает свободным*» (нем. *Stadtluft macht frei*), фактически обретал здесь свободу:

«...С особой снисходительностью относилась к крестьянам и не придиралась к вопросу их вольности или закрепощённости, снабжала их паспортами и предоставляла селиться где кому было удобнее» (А. Дерibas).

Легкость бытия

«Одесса – город, в котором легко, в котором ясно жить...» (И. Бабель).

«Лёгкость бытия» в этом городе задолго до Бабеля открывает для себя Пушкин, назвавший Одессу «*благословенным краем*».

Эта лёгкость бытия превращает одессита в своеобразного философа, который призывает каждого – *«Можешь жить – живи со вкусом, не можешь – относись к происходящему по-философски»*, то бишь, вместо того чтобы искать на стороне виновников твоей несостоятельности, «париться» по каждому пустяку, следуй замечательной формуле, выраженной на удивительном языке одессизмов: *«Дайте покой вашим мозгам!»* (ударение на первом слоге) либо *«Не бывает невыносимых людей – бывают узкие двери»*.

В этой атмосфере раскрепощённости духа даже апокалипсис принимает облик карнавала:

«Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племён рядом, и все какие, на подбор живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любимо. Постепенно стерли друг о дружку свои

обычаи, отучились принимать чересчур всерьёз свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну сего мира – что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед не вор и не бродяга: может быть, он прав, а может быть, и нет... Убиваться по этому поводу не стоит» (В. Жаботинский. Пятеро).

Сегодня эта лёгкость бытия присутствует в основном в мифах, из которых буквально соткан образ города: «Анекдоты, майсы и хохмы вплетаются в действительность, и подчас вымысел неотличим от правды. Одесситы не очень-то и стараются отделить плоды своих фантазий от суровых реалий жизни, да ещё намеренно всё путают: то устанавливают памятники... “Двенадцатому стулу”, “Джинсовому Дюку”, “Сашке-музыканту”, “Рабиновичу” – герою анекдотов”, то вешают мемориальные доски: например, на доме, где “с 31 марта по 1 апреля 1932 года работал управдомом Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендербей”» (И. Карпенко. Одесса. Относительная лёгкость бытия).

Рождение легенды

«Этот город в Европе – легенда, модель, прежде всего, космополитизма, модель смешения разных культур и гражданственности. В силу этого Одесса – великий, истинно европейский город» (Бернар-Анри Леви, французский философ, писатель, журналист).

Уступая по возрасту многим городам, существование которых исчисляется десятками столетий и более, Одесса, тем не менее, может соперничать со многими из них ореолом легенд, которые сопровождают её становление и существование...

Сам факт появления названия города, поскольку до сих пор не найден указ о переименовании Хаджибея в Одессу, окружён легендами, одна из которых гласит:

На придворном балу кто-то из знатных вельмож поделился с императрицей Екатериной II идеей о том, что новая гавань, сооружаемая на берегу Чёрного моря, со временем должна обрести такое же значение, как Петербург для Балтийского моря.

При этом ей сообщили сведения о древнейших исторических поселениях, находящихся на этой местности, в частности о том, что в Античности где-то на этих землях располагалась древнегреческая колония «Одессос», а посему вполне уместно, чтобы новый город сохранил это древнее название.

Высказанное мнение, как утверждают, поддержали граф Зубов и Иосиф де-Рибас. Екатерина, интересовавшаяся античной мифологией, соглашается с прозвучавшими доводами и, улыбнувшись, изрекает исторический вердикт: *«Пусть же Гаджибей носит древнеэллинское название, но в женском роде – короче и яснее: город следует именовать – Одесса»*.

Рескрипт

«Уважая выгодное положение Гаджибея (бывшая турецкая крепость, на территории которой возводился город) при Черном море и сопряжённые с оным пользы, признали Мы нужным устроить тамо военную гавань, купно с купеческою пристанью... Мы надеемся, что вы не токмо приведёте в исполнение сие благое предположение наше, но что ведая, колико процветающая торговля споспешествует благоденствию народному и обогащению государства, потщитесь, дабы созидаемый вами город представлял торгующим не токмо безопасное от непогод пристанище, но защиту, ободрение, покровительство и, словом, все зависящие от вас в делах их пособия: чрез что, без сомнения, как торговля наша в тех местах процветает, так и город сей наполнится жителями в скором времени.

Пребываем к вам впрочем Императорскою Нашею милостью всегда благосклонны ЕКАТЕРИНА.

Дан в Царском Селе Мая 27-го дня 1794 года» (из «Рескрипта Екатерины II об основании Одессы», адресованного графу де Рибасу).

В Рескрипте чётко прописаны финансовая сторона и логистика, связанная со строительством возводимого града:

«На первый раз употребите на сие 26 000 рублей, которые по донесению вашему от 1-го мая сохранили вы по

ненужности... присовокупляя к ним и те, кои впредь вам сберечь можно будет. А дабы ещё облегчить вас в сем деле по возможности, позволили Мы заимствовать для насыпи на гавани материалы, назначенные по генеральному плану о укреплениях тамошних предложению, ради сооружения в будущем 1795 году в Очакове блокфорта, с тем чтобы таковые же материалы были к вышеозначенному времени заготовлены вновь. Для перевозки оных в Гаджибей можете брать суда из гребного флота, из которого и служителей к производству проведённых работ употребляйте, без изнурения их, однако же, излишними трудами, производя по вашему рассмотрению плату заработанных денег» (там же).

Детализируя финансовые и материальные ресурсы, задействованные в построении города, Рескрипт вместе с тем – что выглядит на первый взгляд весьма странно – ничего не сообщает о культурной составляющей будущей Одессы.

Здесь нет речи о «титульной нации», которая должна определить лицо города, ничего не говорится об источниках, из которых следует черпать человеческие ресурсы, которыми городу предстоит наполниться «в скором времени» и которым предстоит поспособствовать «благоденствию народному и обогащению государства» прежде всего за счёт торговли и коммерции.

Упомянутые «упущения», по всей видимости, объясняются спецификой задуманного *Проекта* – возведения на берегах Понта Эвксинского российского варианта современ-

ного по тем временам европейского города, подходящий состав населения которого предстояло ещё «изыскать».

В условиях господства феодально-традиционных реалий России возвести и «наполнить» город не просто «жителями», но теми, кто будет проникнут духом коммерции и обладать прочими необходимыми в этом контексте качествами, – задача не из простых.

По сути речь шла об имплантации на феодально-крепостническую почву России, пропитанную духом неприятия и враждебности к предпринимательству и коммерции, города, ориентированного на ценности западной обуржуазенной культуры.

Не рассчитывая на возможности реализации предполагаемого проекта за счёт коренных жителей империи, власти связывают его решение с массовой иммиграцией. К строительству возводимого града приглашаются представители – выходцы преимущественно из народов стран Средиземноморья. При этом на первом этапе известное предпочтение отдаётся грекам, к которым, как утверждает, императрица питала особые чувства.

На их нужды, в качестве новых поселенцев, выделяется 15 тысяч десятин земли. Им также обещано по 10 тысяч рублей на строительство домов и иных строений.

Существенные льготы власти предлагают также и для других поселенцев, которые освобождаются на десять лет от всех налогов, казённых повинностей, военной службы и по-

стоя войск. При этом всем гарантируется свобода вероисповедания и предоставляются льготные займы на строительство домов и религиозных храмов (*А. Скальковский. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1837*).

Значительные полномочия (карт-бланш) по формированию национальной палитры и облика будущего города предоставляются, по-видимому, не случайно отцам-основателям Одессы, первыми из которых являются не традиционные российские чиновники – выходцы из российских поместий и родовитых отечественных сословий, но «варяги» – «пришельцы» из стран Западной Европы, которые, по счастливому совпадению обстоятельств, отнеслись к возведению нового града как к делу своей жизни.

«Южная Пальмира» версус «Северной»

Обретение Одессы в какой-то момент статуса «Южной Пальмиры» на первый взгляд выглядит абсурдом, поскольку реальная Пальмира (*греч.* город пальм) расположена на территории нынешней Сирии, значительно южнее её черноморского двойника.

Разгадка возникшей несурязицы в том, что в этом образе город позиционирует себя по отношению к Северной Пальмире – к Санкт-Петербургу. При этом, как показал ход последующих событий, подобное позиционирование представляло собой нечто большее, чем просто противопоставление в рамках географических полюсов. Представленные в этой связке города, несмотря на презентацию в качестве новых центров международной торговли России, по сути олицетворяли различные социальные проекты.

В своей торговой ипостаси Петербург – важный торгово-экономический центр, «хаб» России на берегах Балтики – её *северные торговые ворота*.

В этой ипостаси Южная Пальмира – Одесса олицетворяет *южные торговые ворота* империи.

Важно при этом отметить не только сам факт открытия новых «торговых площадок», но и то, что с их появлением

Россия получила непосредственный доступ к водным просторам, на берегах которых сформировались истоки западной цивилизации.

Статус, обретенный возведёнными по европейским лекалам городов, должен был свидетельствовать, что речь отныне идёт не просто о приращении империей новых территорий – очередных форпостов России, но о появлении особых культурных анклавов, ориентирующихся на Европу, – анклавов, где страна открывает себя не только для традиционных коммерческих сделок, но и для «импорта» западной «мягкой силы»: идей, ценностей и прочих достижений культуры, которым предстояло сыграть важную роль в её исторических подвижках и модернизации.

Самим наименованием появившихся на географической карте городов – Санкт-Петербург и Одесса, звучание которых скорее привычно для европейского, чем для русского, уха, в которых нет ничего от традиционных топонимов, характерных для пограничных анклавов империи – типа Владивосток (Владей Востоком) либо Владикавказ (Владей Кавказом), Россия как бы обращается своим обновлённым ликом к Западу, демонстрируя открытость к грядущим переменам.

«Отсель грозить мы будем шведу...»

Со временем метафору ворот, призванную характеризовать степень открытости Санкт-Петербурга миру, поэт, как ему кажется, заменяет более адекватным символом – «ОКНОМ»:

*Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море...*

(А. Пушкин. Медный всадник)

В смене метафоры – глубокий смысл. Окно – вовсе не ворота. Даже если оно и распахнуто – это не знак приглашения в гости. Окно – всего лишь прозрачная часть стены, призванная пропускать свет внутрь помещения. Временами его распахивают для проветривания, временами наглухо заколачивают.

Вместе с тем склонным впадать в излишнюю эйфорию от декларируемой открытости России город на Неве, как бы невзначай, напоминает о более серьезной миссии, связанной с его появлением, которая вовсе не ограничивается тем, чтобы служить площадкой для коммерции и обмена прочими благами, доступными к извлечению из прохладных глубин

Балтийского моря:

*Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.*

(там же)

Зрительной демонстрацией этой ипостаси города, выражающей устрашающий для врага посыл его существования, должен служить Медный всадник – памятник Петру I:

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?*

(Там же)

Надпись на постаменте гласит: «*ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лгьта 1782*» с одной стороны, и «*PETRO primo CATRARINA secunda MDCCLXXXII*».

Державной рукой император указывает в сторону Швеции, где в центре Стокгольма водружён похожий памятник Карлу XII, главному противнику Петра в Северной войне, взор которого обращён к России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.